

Зимние дни коротки, когда Е Чжицю вышел из VIA, на улице уже стемнело.

Е Чжицю завел машину, но не поехал домой, а направился в сторону центрального делового района.

Машина проехала мимо огней и веселья, остановившись перед относительно скромным магазином. Е Чжицю вышел, не глядя на ослепительные красоты окружающей среды, и зашагал внутрь.

В то же время, наверху в закрытом баре, куда можно было попасть только при условии бронирования, у окна, Юй Жэньчжи разговаривал по телефону.

— Ничего себе, ты правда не придешь завтра? — не мог поверить Юй Жэньчжи, — ведь Q.L. — главный инвестор, и большинство костюмов в фильме тоже созданы дизайнерами вашей компании. Ты сейчас говоришь, что не придешь?

С другой стороны ничего не ответили, только временами раздавались звуки печатания на клавиатуре.

— Да ладно? — догадался Юй Жэньчжи, — Прости, в прошлый раз моя вина, не стоило приводить посторонних на нашу частную вечеринку.

Затем он не мог удержаться от оправдания:

— Это Цзян Нань просил меня, и еще раньше его семья сотрудничала с другими брендами вашей семьи Цинь, а его отец и твой отец были старыми знакомыми. Я думал, что ничего страшного, кто ж знал, что он скажет такие выходящие за рамки вещи.

Помимо Q.L., Цинь владели также несколькими массовыми брендами среднего ценового сегмента. Однако Цинь Цзяньхэ делегирует всю власть профессиональным бренд-менеджерам, и, если нет особых обстоятельств, он, как правило, не вмешивается, включая партнеров, выбранных другой стороной.

Однако Юй Жэньчжи ошибался.

Цинь Цзяньхэ не любил Цзян Наня не только из-за сказанных им слов в тот день. Тот использует неочевидные методы очернения и принижения, чтобы показать собственные невинность и невиновность.

— Обещаю, — продолжал говорить Юй Жэньчжи, — впредь больше не привожу его.

— Ладно, Сяо Юй...

— Святое дерьмо!

Голос Юй Жэньчжи внезапно изменился, а затем раздался глухой звук, вероятно, потому, что мужчина обо что-то ударился головой.

— Быстро, угадай, кого я вижу.

Цинь Цзяньхэ прекратил печатать и, не показывая эмоций, повесил трубку.

В то же время, в чате начали появляться сообщения.

Юй Жэньчжи: "Ничего себе, я вижу маленького красавчика, фото.jpg."

Юй Жэньчжи: "Красавчик зашел в магазин дронов внизу."

Ван Цитан: "Его зовут Е Чжицю."

Юй Жэньчжи: "Я буду называть его красавчиком, что в этом плохого, как там дела с оформлением его входа в компанию?"

□.....□

Телефон непрерывно вибрировал, даже громче, чем голос Юй Жэньчжи. Цинь Цзяньхэ открыл экран, собираясь отключить уведомления, но взгляд упал на только что присланную Юй Жэньчжи фотографию Е Чжицю.

Фотография была сделана сверху вниз, обычно такой ракурс уменьшает преимущества фигуры человека в кадре.

Но на этой фотографии юноша всё равно выглядел стройным и красивым. Кашемировое пальто бежевого цвета и светло-бежевый шарф создавали впечатление, сильно отличающееся от того, что он производил в клубе в тот день, — в нём чувствовалась спокойная и уравновешенная книжная аура.

Изначально Цинь Цзяньхэ не хотел участвовать, но почему-то всё же ответил Юй Жэньчжи.

Цинь Цзяньхэ: "Он пошел в VIA."

Юй Жэньчжи: "... Что, повтори ещё раз?"

Ван Цитан: "..."

□.....□

В то же время Е Чжицю наконец выбрал модель дрона. Раньше он никогда не играл с ними и не разбирался в них, но, к счастью, у него была чёткая цель. В итоге по рекомендации продавца Е Чжицю выбрал мини-дрон размером с половину ладони. Управление было простым, а функций хватало.

В салоне играло радио, старая песня нежно струилась в небольшом пространстве. Е Чжицю нравилась такая обстановка и атмосфера, она позволяла ему расслабиться и чувствовать себя в безопасности, поэтому он ехал небыстро.

Когда Е Чжицю приехал домой, в гостиной вязала только Тао Жоцин. Свет падал на её лицо сбоку, придавая ей привычный мягкий и добродетельный вид. Услышав шум, она с улыбкой подняла глаза.

— Сегодня похолодало, я специально попросила тётю Чжао сварить куриный суп, иди вымой руки и выпей миску супа, чтобы согреться.

— Да. — отозвался Е Чжицю, снял шарф, а затем пальто.

— Мне кажется, ты в последнее время немного мёрзнешь, — сказала Тао Жоцин. — Я сегодня специально ходила покупать шерсть, чтобы связать тебе и твоему брату по шарфу.

Е Чжицю ничего не сказал, но в уголках его глаз появилась естественная улыбка.

Как обычно, он небрежно бросил пальто на угол дивана и пошел мыть руки. Когда он вышел из ванной, тётя Чжао уже поставила на стол миску ароматного куриного супа и две тарелки закусок.

За эти несколько дней после перерождения Е Чжицю был как никогда занят, поэтому даже ел больше, чем обычно. Миска супа, две тарелки закусок и половина миски риса вскоре были им уничтожены. Наевшись и напившись, он постепенно согрелся.

Видя, что Е Чжицю отложил посуду, Тао Жоцин похлопала по месту рядом с собой:

— Иди, поболтай со мной.

Она улыбнулась.

— Завтра Сяся присоединится к съёмочной группе, твой брат занят, а твой отец...

Если бы это было раньше, то в этот момент Е Чжицю, скорее всего, начал бы защищать Тао Жоцин, и это иногда приводило к конфликтам между ним и Е Хунсянем.

Но сегодня Е Чжицю просто спокойно и внимательно смотрел на неё, ничего не говоря. Тао Жоцин запнулась, её улыбка стала немного горькой:

— Мне иногда бывает одиноко дома одной.

— Разве ты раньше не играла часто в маджонг с госпожой Чжан и госпожой Ли? — Е Чжицю вытащил из её рук начатый шарф. — У меня в компании полно шарфов, я принесу несколько домой, зачем тебе вязать?

— Эх, они играют по-крупному, разве я сейчас могу себе это позволить? — Тао Жоцин засмеялась и вдруг вспомнила что-то ещё. — Сегодня твой брат сказал, что ты сможешь забрать свою машину завтра.

Тао Жоцин была очень красноречива, она постепенно подводила его к нужной мысли. "Мать, которая не может позволить себе играть в маджонг" и "расточительный сын" естественно сформировались в её речи. Но в её словах не было ни капли упрёка, наоборот, она была необычайно нежна.

В прошлом Е Чжицю уже давно бы растрогался и почувствовал вину, его доверие и чувства к ней стали бы ещё глубже. Но сегодня он только игриво сморщил нос.

— Поэтому я не стал брать машину за восемь с лишним, а выбрал за два! — сказал он с наивным выражением лица, словно ожидая похвалы за свою послушность и разумность.

Тао Жоцин: ...

— Поэтому мама и говорит, что ты теперь стал разумнее.

Е Чжицю довольно улыбнулся, его глаза изогнулись:

— Тогда я пойду наверх, мама, завтра мне ещё нужно на завод.

В последнее время Ци Синь постоянно жаловался ей, Тао Жоцин очень хотела выяснить, что на самом деле думает Е Чжицю, но, подумав, она сдержалась. Терпение — ключ к успеху, сейчас ещё не время.

Слушая, как шаги Е Чжицю весело удаляются по лестнице, улыбка на её лице постепенно исчезла.

...

Е Чжися на следующее утро присоединился к съёмочной группе. Едва забрезжил рассвет, как во дворе началась суета.

Тао Жоцин и Е Хунсянь были там, а дядя Ван рано утром поехал на далёкий оптовый рынок за свежей черешней, которую так любил Е Чжися. Каждая ягода была крупной и румяной. Даже стоя у окна на расстоянии и глядя вниз, можно было представить, насколько она сладкая.

Е Чжицю стоял за занавеской и не спустился вниз, чтобы проводить Е Чжися. Только когда внизу стало совсем тихо, он умылся и спустился.

Завод был недалеко, но в это время утра почти не было дорог без пробок. Когда Е Чжицю приехал, было уже больше девяти. Его встретил мужчина средних лет, и, как и говорила Сунь Вэй, узнав, что он из VIA, тот сразу стал относиться к нему с пренебрежением.

— Как вас зовут? — непринуждённо спросил Е Чжицю.

— Зови меня брат Чжан. — бесцеремонно ответил мужчина.

— Брат Чжан. — с улыбкой сказал Е Чжицю.

Молодой человек был красив и вежлив, и даже если брат Чжан изначально был раздражён, то теперь его отношение немного улучшилось.

— Новенький, да? — спросил он. — Раньше тебя не видел.

— Да. — кивнул Е Чжицю. — Ещё не закончил учиться, пришёл набраться опыта.

Брат Чжан взглянул на него, закурил сигарету и повёл его в сторону склада. Затем спросил:

— Куришь, парень?

— Да, — кивнул Е Чжицю. — Курю.

Чжан вытащил сигарету из своей пачки и вместе с зажигалкой бросил ее юноше. Тот поймал, привычно наклонился и закурил, глубоко затянувшись. Серовато-белый дым мгновенно рассеялся в зимнем солнечном свете.

В последние несколько лет своей прошлой жизни Е Чжицю сильно пристрастился к курению. Сигареты стали чуть ли не последней опорой в его жизни, едва поддерживая его почти сломленное психическое состояние. Хотя сейчас он был еще молод и даже толком не выкурил и нескольких сигарет, все эти действия он выполнял плавно и непринужденно.

— Неплохо, — присвистнул Чжан.

Пока они разговаривали, ворота фабрики вдруг распахнулись, и внутрь медленно въехал черный Бентли.

Е Чжицю: ...

Его машину только что остановил охранник у ворот. Подумав, он понял, что в этом нет ничего странного. Машина, на которой он сейчас ездит, — это старая машина Е Чжэна, оставшаяся с тех пор, как тот учился. Хотя в то время она стоила три с половиной миллиона, но модель давно устарела.

Естественно, она не сравнится с большим Бентли.

— О, приехали те, кого я жду, — выражение лица Чжана внезапно стало серьезным, даже спина мгновенно выпрямилась. — Ты потом сам иди на склад, там есть люди, предъявишь им удостоверение, и они отведут тебя посмотреть на ту партию материала.

Е Чжицю: ...

Пока он говорил, черный Бентли уже подъехал.

Не дожидаясь, пока водитель выйдет из машины, Чжан тут же потушил сигарету и, наклонившись, открыл заднюю дверь.

В сопровождении низкого и приятного голоса благодарности на землю ступила пара начищенных до блеска черных кожаных туфель. Высокий и красивый мужчина наклонился и вышел из машины.

— Цинь... президент Цинь... — Чжан, в отличие от своего прежнего отношения к Е Чжицю, перед этим человеком склонился в низком поклоне, лъстя изо всех сил. — Не ожидал, что вы сегодня приедете лично.

Это был Цинь Цзяньхэ.

В швейной промышленности не было никого, кто не знал бы президента Циня. Естественно, Е Чжицю тоже знал его. Но это был первый раз в его прошлой и нынешней жизни, когда он

увидел Цинь Цзяньхэ вживую.

Кажется, этот человек был очень скрытным. В прошлой жизни о нем редко появлялись даже фотографии. Е Чжицю видел его фотографию только один раз, причем в огромном скандале, связанном с Цзян Нанем.

Е Чжицю до сих пор очень хорошо помнит эту новость.

Цзян Нань, безответно влюбленный в Цинь Цзяньхэ, тайком подсыпал ему в алкоголь наркотик и расставил у дверей толпу журналистов, чтобы заснять, как он будет заниматься любовью с президентом Цинем. Согласно сообщениям, наркотик был очень сильным, и если его примешь, то не было шансов избежать его действия.

Но Цзян Нань все равно потерпел неудачу. Когда журналисты снаружи ворвались в дверь, Цзян Нань действительно был голым, но Цинь Цзяньхэ был полностью одет. Его лицо было холодным и жестоким, а черные глаза горели, как пылающий огонь. Цзян Нань был крепко схвачен им за горло одной рукой, его лицо покраснело, а зрачки начали непроизвольно расширяться.

Если бы не журналисты, которых он сам же и вызвал, он, вероятно, был бы задушен Цинь Цзяньхэ в ту ночь на большой кровати.

Но в то же время, именно из-за своевременного появления журналистов репутация Цзян Наня была разрушена. Потому что на фотографии другая рука Цинь Цзяньхэ была полностью пронзена осколком бутылки, кровь лилась ручьем, пропитывая белоснежную простыню. Выглядело это ужасно.

Судя по отрывочным сведениям, просочившимся позже во время судебного разбирательства по делу, стекло Цинь Цзяньхэ вонзил в себя сам, чтобы сохранить рассудок.

Жестокий человек.

Прошлые события пронеслись в голове, и когда Е Чжицю пришел в себя, он понял, что все это время смотрел на президента Циня. И в этот момент, вероятно, устав от его пристального взгляда, холодный и безразличный взгляд мужчины наконец-то обратился к нему. В одно мгновение их взгляды встретились.

Е Чжицю: ...

<http://bllate.org/book/14243/1258010>